

ВАЛЕНТИНА ЕФИМОВСКАЯ

ПОВЕСТЬ — БЫЛЬ, ДА В НЕЙ НАМЁК...

О повести Игоря Изборцева “Чудеса болотные”

Новую повесть известного псковского прозаика Игоря Изборцева “Чудеса болотные”, имеющую сказочное название, с долей сомнения можно отнести к заявленному автором жанру повести. Нарушение жанровой классификации есть допустимая реальность современной литературы, и сама повесть обладает очевидной актуальностью, хотя время действия — 70-е годы прошлого века. Сегодня их называют “золотыми”, и многие читатели, как и сам автор, помнят эти безмятежные, но не без тягот годы, выпавшие на их детство и юность. По замыслу писателя — это произведение для детей, которые, конечно же, такой давней истории не знают, ещё и поэтому примут его как сказку о далёком волшебном времени и мире, где не было зловещих компьютерных игр, но жили добрые волшебники и случались настоящие, сбывающиеся на всю жизнь чудеса. Время событий в повести важно и многое определяет. Но, кажется, и для взрослых постарался автор, помня заповедь Спасителя — *будьте как дети* (Мф. 18: 3), *“ибо таковых есть Царствие Божие”* (Мк. 10: 14). Как говорит священник Иоанн Федотов: *“Вера для детей естественна, она является опытной частью их жизни. Наоборот, им несвойственны сомнения, колебания, лукавые мудрования и самооправдания. Их вера безотчётная и при этом искренняя... Дети верят в слова взрослых, для них эти слова то же, что и дела их... Вера детей во взрослых, вера последних в детей ведут к глубокой, искренней и естественной вере в Бога”**. Именно в качестве “*будьте как дети*” взрослому человеку становятся более понятны закономерности бытия и особенности мира собственных детей. Но что бы ни было задумано автором, можно отметить, что отражение нереального события в “реальности идеального” является особенностью этого чудесного по содержанию, образного по слогу, доброго по идее произведения.

Сложно представить, что в век науки, во времена тотальной цифровизации и всеобщей идентификации есть потребность в чудесах, в метафизике. Но она очевидна и, вероятно, объяснима потерей достоверного критерия оценки человеческого существования и человеческих дел. Раньше такой абсолютный критерий был, но прежняя его формулировка — “приближение к Богу или удаление от Него” — сегодня у большинства наших современников вызовет непонимание или улыбку. Начало повести тоже вызывает улыбку и недоверие к реальности происходящего, что постепенно рассеивается, и все

* Будьте как дети. <https://pravoslavie.ru/110476.html> (дата обращения 18.06.19).

необычные коллизии воспринимаются, как возможные. Писатель заставляет проникнуться доверием к героям его повести, полюбить их и понять происходящее через сопереживание.

Сюжет не сложен: восьмилетний мальчик Мишаня, проживающий с измученной скудной жизнью и тяжёлой работой матерью в бедном рабочем городском районе на Псковщине, конечно, как и любой его ровесник, мечтает о приключениях, которые, как, например, кино, мороженое, паровозы в его простой жизни, можно назвать чудесами. Именно это слово вынесено в название повести, хотя возвышенная семантическая тональность этого глубокого понятия резко снижена плоскостным определением “болотные”. Получается своеобразный смысловой крест. Но это, действительно, “повесть” об обитателях “Болота”, как в первой строке поясняет автор, “Восточную часть Завокзалья сыздавна называли Болотом. Долгое время эта территория от Паровозного проезда до Морозовской ветки, подпёртая с юга переулком Машиниста, была пуста. Да и как обживёшься на мхах да камышах?” Но русский человек не только обживается, но доверяет и жизнь свою, и сердце родной земле, какая бы убогая и зыбкая она ни была. Таков и главный герой повести – мальчик Мишаня, Михаил Коробов. Даже при встрече в тупичке Бригадного переулка с волшебником Макаром Ивановичем Афанасьевым-Никитиным мальчик с достоинством старожилы, наследника своей земли, в которой покоится его отец, бывший фронтовик, не суетится, не жадничает, не просит у волшебника ни дальних странствий, ни перемены родины, ни лёгкой жизни. Его простые просьбы достойны и благи для совершенствования его характера: книги, расширяющие исторические горизонты рассказы, совершение добрых дел, даже скворечник, чудесным образом выросший на грядке, – всё искренне радуется и обогащает неизбалованного мальчишку. Во все эти чудеса Мишаня верит, воспринимает их как реальность, как закономерный дар. И они, действительно, легко даются именно ему, облечённому не понятной ещё маленькому человеку миссией – сбережения русскости или, по-научному, русской ментальности, или философски – сотворения личности.

А в повести об этом рассказывается так:

“Макар Иванович, склонив голову к плечу, внимательно посмотрел на Мишаню.

– Нет, так не годится! – сказал он тоном директора школы. – Никакой стрельбы по галкам! Ты вот по гусю своему стал бы стрелять? (Мишаня отрицательно помотал головой). То-то. А по галке что ж? Чем же она хуже твоего гуся? Мы лучше вот что сделаем. Тут на грядке ещё есть место, посадим в неё твою рогатку и посмотрим, что назавтра вырастет? Идёт?”

Мишаня округлил глаза, сделал губы трубочкой и пожал плечами. На призывный жест Макара Ивановича он отдал ему рогатку и смотрел, как тот откапывает ямку и укладывает в неё его личное оружие. Потом обильно поливает из лейки”.

Назавтра на этом месте выросло кривое дерево саксаул, конечно, по-хорошему волшебное, а через несколько дней произошло дальнейшее его преобразование.

“– Сейчас посмотрим, – Макар Иванович склонился над корифеем джунгарских степей и туранских пустынь. – Так, всё понятно, здесь вырос птичий домик, сиречь скворечник, мал он, правда, ещё. Ты, Мишаня, его сорви и прикопай где-нибудь в укромном уголке вашего огорода. Пускай пустит корни. Глядишь, через недельку-другую он и поднимется в нужный рост. А там – повесите его с дедом Пахомом на кривую яблоню, вот будет радость для пернатых! Но пойдём же собирать урожай с чудо-дерева. Сколько раз это делал, а всегда волнуюсь...”

Радость – одна из основных мелодий повести. Радостны взаимоотношения волшебника и мальчика, узнающего от своего нового друга о всеохватном, проникающем в нынешний день мире минувшего, о прошлом страны и всей земли. Через чудесные образы и волшебные превращения взрослый друг показывает мальчику нравственные основы бытия, даёт представление о законах поведения в человеческом обществе, воспитывает в нём интерес к истории. И это необходимо, так как глубина русской исторической памяти прервана множественными нашими убийственными революциями; сегодня до неузнаваемости искажены многие нравственные понятия, инвертированы знаки оценок поступков. Поэтому автор использует приём перевода исконных

русских заветов и исторических законов на доступный ребёнку язык чудес, прибегая для этого к изменению композиции и стиля художественного текста. В одном пространстве произведения талантом писателя свободно сосуществуют символ и аллегория, назидательные эпиграфы к каждой главе и волшебные образы, выдумка и быль, повесть и сказка.

Ассоциативно упоминание фильма 60-х годов, который мечтает посмотреть Мишаня, – это фильм-сказка “Три золотых волоска Деда Всеведа”, созданный чешскими авторами во времена единства и благоденствия всех стран соцлагеря, дававшего уверенность в завтрашнем дне и неизбежной победе добра над злом. Фильм рассказывает о том, как прекрасный юноша Плавачек побеждает злого короля с помощью добрых дел, любви и трёх золотых волосков волшебника Деда Всеведа. Автор повести с помощью сказочных символов выстраивает алгоритм оценки реальных человеческих поступков, определяет количество и качество в них добра – не заданного, а искреннего, которое делается по необходимости души. Именно такой нерассудочный, сердечный, “от избытка любви” принцип является признаком русского самосознания, из которого русский человек был на время изгнан и в которое ему необходимо вернуться именно сейчас, когда под влиянием сторонних негативных воздействий незаметно происходит дерусификация нашего народа.

“На протяжении всей истории развития русского самосознания в качестве основного сохраняется убеждение в том, что *идея вечна и представляет особую ценность, из неё нельзя исходить, в неё следует входить*. На этом утверждении основан русский “реализм”, который и стал *русской формой философствования вообще*”* (выделено мной. – **Е. В.**). Этим выводом учёных можно оправдать и объяснить смешение жанров произведения Игоря Изборцева, вводящего сбитого с нравственных позиций современного читателя в реально существующий мир добра, поэтому писатель называет своё произведение повестью. Добро – не сказка, оно реально и действительно, но убедить современного читателя в его объективности и всепобедимости сегодня можно только сказочными образами. Однако у сказки свои особенности, свои правила. Как говорил В. Г. Белинский, сказочник “...не только не гонялся за правдоподобием и естественностью, но ещё как будто поставлял себе за непрременную обязанность умышленно нарушать и искажать их до бессмыслицы”. В произведении Игоря Изборцева, на первый взгляд, правдоподобия гораздо меньше, чем немислимых искажений действительности, как, например, урожай с чудо-дерева, на котором вырастают (материализуются) потерянные людьми или необходимые им вещи. С точки зрения здравого смысла, всё это абсолютно непонятно, так же абсурдны на первый взгляд и пояснения волшебника, собирающего эти “плоды” в большую коробку.

“Соберём в неё всё, что уродилось, – пояснил он и, не откладывая, начал тут же аккуратно снимать с чудо-дерева “плоды”.

– С этим ясно, – Макар Иванович вслух комментировал ход уборочной страды. – А это что? Чудны дела Твои, Господи, думал, уж никогда не найдётся. Так, это в депо, это в милицию. А это куда? Ясно! Возьми! – Макар Иванович протянул мальчику спичечный коробок. – Здесь засушенный коллекционный жук-олень, которого твой школьный дружок потерял в Летнем саду, когда гулял там с бабушкой. Передай Серёге с пламенным приветом!

– А Серёга говорил, что его рогача забрали в зоологический музей как ценный экспонат, – с недоумением пожал плечами Мишаня.

– Это, наверное, другого рогача забрали, а этот был утерян, аккурат у качелей-лодочек. Так, идём дальше, утюг отправим тёте Клаве, это ей за то, что она плюнула на сапог фашистскому обер-фельдфебелю Герману Шланге. А трубка и табак – деду Пахому, отличился старик при ликвидации левозэровского мятежа в Москве в восемнадцатом году. Лично Ульянов-Ленин руководил! – Макар Иванович потряс перед Мишаниным носом указательным пальцем. – Лично! А тебе, товарищ Мишаня, октябрятское поручение. Этот кошелек отнесёшь в паровозное депо, отдашь бригадиру ремонтников Поликарпу Ефимовичу”.

Непонятен процесс появления этого “урожая”, но реальны добрые “плоды” чудо-дерева, имеющие не только вещественный облик, но и личностное,

* Колесов В. В., Пименова М. В. Языковые основы русской ментальности. М., Наука. 2017. – С. 23-24

человеческое содержание, определяющееся мерой душевного добра возделывателей этой нивы. Но если есть добро, значит, есть и зло. Писатель не сопоставляет добро со злом, не показывает их борьбу, но, как принято в русской традиции, исследует количество добродетели в жизни, подтверждает известный философский тезис, что зло укрепляется и разрастается при понижении степеней блага. По мысли древнегреческого философа Платона, зло вовсе не реально существующее явление, а простое отсутствие добра. Это отсутствие добра у взрослых свидетелей дружбы Мишани с волшебником оказалось для неё роковым.

Макар Иванович невероятным способом решил исполнить просьбу своего маленького друга, мечтающего иметь паровозик. От широты великорусской души он не захотел делать копию, но умалил до величины детской игрушки настоящий, стоящий в депо паровоз с номером ОР-237-85, так что даже академик Куликовский, приглашённый в качестве консультанта для идентификации необычного макета, отверг категорию “игрушки”:

“ – Игрушка? – переспросил Куликовский. – А вы знаете, что внутри этой игрушки висела курточка машиниста, а в её кармане лежал паспорт, выданный на фамилию гражданина Кузякина, а также деньги? И всё это, уменьшенное в тридцать тысяч раз? А хотите, расскажу про иголку, которая была заложена в воротник? Про катушку ниток? Про анальгин и бутылочку йода в аптечке? Видели бы вы эти игрушки! Я имею в виду – в электронный микроскоп. А вы говорите! Да тут фундаментальная наука в тартарары летит! Вся таблица Менделеева! Вы представляете структуру материи артефакта? Из каких атомов он состоит? Да это вообще нечто не из нашей Вселенной, не имеющее отношения к нашему миру!”

Многолюдное расследование было назначено по факту хищения паровоза и сопутствующих нерасчетных происшествий. Никто не мог понять, как “маневровый паровоз сегодня пропал. И что самое интересное, никуда уехать он не мог, все пути движения были перекрыты подвижным составом. Но уехал!” Взрослые, не верившие своим рациональным умом в то, что любовь может воскресить Спящую Красавицу, что может явиться в гости к Дону Гуану Каменный гость, не поверили и тому, как мог умалиться до размеров детской ладошки большой реальный паровоз, оставаясь настоящим. Не пытаясь осознать явление, не проникнув в суть происходящего, не допустив, что чудо может быть явлено через вещь, не осознавая, что человек, как говорил Н. Бердяев, не объясним только из природного мира, они дружно попытались исправить “ошибку”, ввели жизнь в привычную норму и разрушили добрую сказку. Волшебник вынужден был покинуть “Болото”, его обитатели остались без благодатного, хоть и кривого чудо-дерева, но в душу Михаила заронились зёрна добра, имеющего не сказочную, но реальную, божественную природу.

О том, кто такой был Макар Иванович, можно только догадываться. Как говорит автор повести: *“Я оставляю этот вопрос открытым, пусть читатель соображает сам. Быть может, ангел небесный встречается с ангелом земным? И первый, поражённый непосредственностью и чистотой второго, идёт несколько дальше того, что ему дозволено? Если бы то, что происходило между ними, не разомкнулось на внешний мир, мир взрослых, то ничего бы собственно и не произошло, оставаясь их маленькой тайной. Пропавший паровоз, к примеру, тихо вернулся бы на своё место”*. Но такого благополучного финала быть не могло, дружба не осталась тайной, и само “размыкание” необходимо было автору не только для “правды жизни”, но и для того, чтобы детально показать мир обитателей “Болота”, ярко проявившийся в соприкосновении с невиданным, с необываемым. В многослойной повести много полноценно действующих и просто названных лиц: это и таинственный дед Пахом, оказавшийся национальным героем, и хитроватые “болотные” пьяницы, и отважные стражи порядка, и воспитанные на военной героике мальчишки, и гусь Мартин, и щенок Булька, и многие другие зверюшки и птицы. В общем, писатель изобразил с той или иной долей прорисовки большой живой мир маленькой окраины. Как известно, мир есть совокупность, цельность, и в бедном рабочем городском районе явление волшебства стало своеобразной центростремительной силой, заставившей людей задуматься над реальностью невиданного, сплотиться в поиске смысла случившегося, поднять глаза к небу, посмотреть “на облака, которые, как вражеские танки, чёрными тенями напозлали на Завокзалье”. Но более всех своей детской

верой утвердился в существовании чуда Мишаня Коробов. Не остаётся сомнений, что со временем Михаил ещё более укрепитя в вере, что смело пронесёт свою добрую сказку-быль по жизни. Ведь на разумное предупреждение участкового Брагина спрятаться от начинающейся грозы он, не сомневаясь, отвечает:

“ – Сам прячься! Солдаты не прячутся!

Вдали тревожно загудел паровоз. В этот же миг небесная сфера треснула и, ослепив мгновенной вспышкой огня, громыхнула из всех калибров, так что всё вокруг зашаталось и затряслось”. Но Мишаня, представляя себя воином, защитником своей земли и своих земляков, не обращая внимания на падающий с неба дождь, на *воображаемом* коне поскакал в огород. . .

Так просто в повести-сказке Игоря Изборцева выявляются сложные логики загадочной русской ментальности, раскрывающиеся в правде духовной реальности и в чудесных сказочных смыслах, помогающих русским людям выдержать испытания и “социальным строем”, и вражеским нашествием. Игорь Изборцев восстанавливает посредством своей сказочной повести воспитательную функцию литературы, возвращает из забвения традиционные культурные навыки, формирующие русский склад ума, что сегодня, конечно, необходимо детям, но в большей степени – взрослым.